

- [О любви человека к себе самому](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
-
-

О любви человека к себе самому

Различные взгляды на любовь человека к себе самому. — Общие принципы христианского нравоучения, как основание для правильного определения сущности и характера любви человека к себе самому. — Виды этой любви. — I. Попечение христианина о своей телесной жизни (сохранение ея и пожертвование ею; самооборона и самоубийство). — II. Долг сохранения личной чистоты и нравственной самостоятельности. — III. Имущество христианина (богатство и бедность). — IV. Честь христианина (дуэль). — V. Забота христианина о просвещении своего ума, воли и сердца, как высшее выражение его любви к себе самому.

Должен ли человек любить себя самого?

На этот вопрос человеческая мысль, далекая от надлежащего усвоения спасительного христианского учения, дает различные и совершенно противоположные ответы.

Люди односторонне религиозного направления, как напр. квиэтисты, полагающие единственной задачей земного существования человека непрестанное созерцание Божества, отвергают любовь человека к самому себе. Они говорят: «любовь есть такое расположение духа, в котором человек всем существом своим погружается в созерцание Бога. По своему началу она есть плод одной покорности воле Верховного Существа, Которое хочет, требует от нас Себе любви. В своем выражении она есть чистая бездейственность, совершенная недвижимость, всецелое умерщвление жизни собственно человеческой. Любящий эту любовью ничего не представляет себе, ни о чем не размышляет, ничего не обдумывает, ничего не предпринимает. Желания и страсти в нем засыпают так же, как и его деятельныя силы; он ничего не ищет, ко всему равнодушен; посему ни страх, ни надежда, ни скорбь, ни радость не доступны его сердцу. Он представляет из себя существо чисто страдательное. Его бытие есть такое, в котором чистейшим образом может отражаться деятельность единой Самосущей силы. Он делается ничем, чтобы [Бог](#) был всем. Его существо, как капля воды, сливается с неизмеримым океаном Безконечной субстанции, свое личное единство он поглощает в пучине Безпредельного всецелаго. Чистая любовь есть совершенное самоотвержение и всецелое самопогубление».

Ясно, что такая разсуждения далеки от истинного Христова учения; в них звучит тот философский пантеизм, который в глубокой древности, еще до пришествия в мир Спасителя, учил о происхождении человеческих душ чрез истечение от безмернаго вечно движущагося океана божественнаго существа, к которому, как своему началу, души должны снова возвратиться, как источники моря...

Люди материалистическаго, узко-эгоистическаго образа мыслей, не признающие в мире ничего более высокаго и святаго, кроме своего «я» и только личных своих благ, наоборот, предлагают каждому, как высшее, такое житейское правило: «люби себя самого более всего, а всех других и все другое только ради себя». Так поступил напр. Макс Штирн. Он, — исходя из материалистических выводов Дарвина, что в мире существуют лишь (более или менее различные) индивидуумы, «порода же (род) есть только произвольное и субъективное понятие, и наблюдая, что в мире человеческом никогда не угасает «борьба за существование», среди которой каждый человек живет себе, нисколько не заботясь повидимому о том, хорошо ли или дурно живется другим, — в одном из своих сочинений («Индивидуум и его собственность») объявил просто религиозным суеверием создавать для общества какие либо идеалы и вообще делать попытки к устройению его земнаго счастья и благополучия, назвав глупым того, кто еще уважает и щадит что-либо, не покупая этим своего собственного уважения и собственной пощады.

Но так как всякий убежден, что жить и достигать благополучия без сообщества других

людей человеку невозможно, то в последнее время мыслители разных направлений, всегда однако в той или иной мере далеких от христианства, а порой и прямо враждебных ему, стали проповедывать «разумный эгоизм», не исключая забот человека и о других людях. Для обозначения такого «разумного эгоизма» создали и особое слово «альтруизм» ¹). Адепты этого учения обосновывают его самым разнообразным способом; так, иначе мотивируется оно у Огюста Конта, иначе у Гартмана, еще иначе у Шопенгауэра и т. д. У нас, на Руси апостолом альтруизма, наивно желающим заменить христианство своими философски-моралистическими думами, рожденными западно-европейскими философами и восточно-языческими религиями, явился граф Л. Н. Толстой, голос которого сильно чарует людей, не довольных христианскою религиею и ея возвышеннейшим нравоучением *по недостатку полного знакомства и нежеланию надлежащую усвоения ея идеальнейшаго содержания*.

Л. Толстой проповедует, что человек совсем не должен жить для себя, а только для других. А это, по его учению, возможно только при *полном отречении человека от блага своей личности, при совершенном уничтожении всяких обязанностей по отношению к себе самому и решительном отвержении всякаго совершенствования того, что человеку прирождено*. Таков, по словам графа, закон человеческой жизни, установленный мировым разумом. К выполнению этого закона людей располагает сознание того, что благо человеческой личности, недостижимое при ея служении самой себе, непременно достигается, когда она живет не для своего блага, а только для блага других...

Не станем излагать всех тех умствований, которыми граф, с голоса язычески философствующих мудрецов, подкрепляет свою мнимо новую и мнимо-высокую проповедь. Лучше же для предохранения душ, колеблемых ветром его учения, раскроем истинно христианское учение о том, должен ли человек, любя Бога и ближних, любить и себя самого, и, если должен, то как и насколько. Раскрытие Христова учения об этом само, красноречивее всяких человеческих слов, покажет, что граф Л. Толстой — не верный ученик Спасителя, и дерзко он обманывает людей, предлагая им свое яко бы истинное разумение Божественных писаний.

Священное Писание не находит нужным распространяться и доказывать необходимость любви человека к самому себе, так как чувство любви к себе лежит в самой природе человека (Ефес. V:29). Оно вложено в нее Самим Высочайшим Творцем вселенной, по образу Котораго, как безпредельной *Любви* (1 Иоан. IV:8) и прежде всего к Себе Самому (Притч. XVI:4; Рим. XI:36; Кол. I:16; Евр. II:10), создан человек, являющийся в видимом мире существом божественнаго рода (Деян. XVII:29).

Как первое и необходимое чувство человека по отношению к себе самому, эта любовь ставится христианством мерою человеческой любви к ближним (Мф. XXII, 39; Мк. XII:31; Иак. II:8; Рим. XIII:9; Гал. V:14), заповедываемой христианину, как нравственная обязанность его, *подобная* обязанности любить Бога, и таким образом узаконяется и освящается.

В какой же мере законна любовь человека к себе самому?

Священное Писание дает мало прямых указаний по этому вопросу, так что полный ответ на него может быть выведен только из общаго христианскаго учения о нравственном назначении человека.

Основная нравственная обязанность христианина — стремиться к царствию Божию (Мф. VI, 33), нести иго Христово, со всеми относящимися к нему требованиями. Отсюда любовь человека к самому себе может быть законною лишь в той мере и до той поры, пока не препятствует осуществлению этой главной обязанности.

Значит, истинная любовь человека к себе самому должна быть сообразною, во первых, с его любовью к Богу: она должна стремиться к тому, чтобы раскрыть и развить в человеке

Богодарованные силы и способности, усовершенствовать и возвысить их так, чтобы человек представлял из себя, по возможности, подобие Христово, человека, *созданного по Богу в правде и преподобии истины* ([Еф. IV:24](#)); во вторых, должна быть сообразною с его любовью к ближним, всегда готовую положить за них свою душу ([Иоан. XV:13](#)).

Если только в любви человека к себе самому нет такой сообразности, если человек поставяет себя главным предметом своей любви, то такая любовь осуждается, как порок, за которым в тесной связи следуют и другие пороки ([2 Тим. III:2](#); [1 Тим. VI:5](#); [Филип. II:21](#), и др.). В виду этого человеку поставяется в обязанность бороться с самим собою, со своими страстями и хотениями, если представляется опасность, что они нарушат сообразность любви человека к себе самому с его любовью к Богу и ближним.

Таким образом, истинная любовь человека к себе не должна быть узким эгоизмом или ложным самолюбием, а должна быть таким сочувствием к себе, которое заключается в уважении ко всему доброму, высокому и святому в существе своем, в любви к тому, что по преимуществу принадлежит в нашем существе к первоисточнику всякого блага, красоты, величия и святости, т. е. к Богу, образ и подобие которого и должно любить в себе. Все же, что вошло в человека чрез виновника зла, все греховное, низкое и недостойное высшего создания человека должно быть чуждо сочувствия и любви; со всем этим истинно любящий себя должен вести непрестанную борьбу, сдерживая и подчиняя свои греховные влечения высшим стремлениям и силам.

Словом, истинная любовь к себе должна состоять в стремлении человека к возможно высшему усовершенствованию своего богоподобного существа, в развитии всех сил и способностей своей души.

I.

Первое и самое необходимое условие жизни человеческой души на земле и ея нравственной деятельности, как и всякого наслаждения, составляет ея обитание в теле. Поэтому любовь человека к себе самому прежде всего состоит в заботе и сохранении своей телесной жизни. Это — долг *самосохранения*, в силу которого человек не должен пренебрегать своею телесною жизнью, а тем более вредить ей, — по неразумной ли отважности, по чрезмерной ли ревности, по легкомыслию ли, или по скупости, или по своей неумеренности ²).

Но так как телесная жизнь имеет цену не столько сама по себе, сколько как носительница богоподобной души и орудие ея для достижения нравственных целей, то на ряду с долгом сохранения телесной жизни стоит, как необходимое дополнение его, обязанность жертвовать ею или *долг христианского самопожертвования*.

Жертвовать своею телесною жизнью христианин нравственно обязан во всех тех случаях, когда телесная жертва его является для него приобретением в духовном отношении. Так, долг пожертвования телесною жизнью обязателен, во 1-х, в тех случаях, когда остается возможным сохранить ее не иначе, как действием *нравственно недостойным*, напр., отречением от веры в Бога, участием в преступлении, утаиванием преступления, нарушением клятвы и т. д. «Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит душу (жизнь) свою, не может Мой быти ученик» ([Лк. XIV:26](#)). «Иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех. А иже отвержется Мене пред человеки, отвергнуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех» ([Мф. X, 32—33](#)), говорит Христос Спаситель. Во 2-х, в тех случаях, когда этого требует служба или должность христианина — напр., служба воина, врача, жизнь которого часто подвергается явной опасности, священника и т. д. В известном смысле, можно сказать, долг жертвовать собою тому делу, которому посвящена жизнь человека, лежит на каждом, и всякая служба, исполняемая с усердием, подтачивает здоровье и жизненные силы человека. Ап. Павел говорит о себе: «я ни на что не взираю, и не дорожу своею жизнью, только б с радостью

совершить поприще свое и служение, которое я принял от Господа Иисуса» ([Деян. XX:24](#)). В 3х, в тех случаях, когда требуется проявить *любовь к ближнему*, находящемуся в каком либо несчастии, напр., к погибающему в пожарном пламени, утопающему в реке, заболевшему эпидемической, заразной болезнью и т. п. «Больше сея любви никтоже имеет, да кто душу (жизнь) свою положит за други своя» ([Иоан. XV:13](#)),» сказал Спаситель. Сам «Он по нас душу свою положи», а потому, — заповедует Апостол, — «и мы должны есмы по братии души полагати» ([1 Иоан. III:16](#)).

Конечно, при *очевидной* невозможности достигнуть цели своим самопожертвованием, последнее не обязательно для христианина и даже, пожалуй, запретно, так как в таком случае он не спасет ближнего и погибнет сам. Но заметим кстати, какую изумительную, незаметную в обыденной жизни, силу износит часто из глубины своей природы человек, объятый ревностью к своему священному долгу и одушевленный любовью к погибающему ближнему, до готовности отдать жизнь свою за его спасение! ³).

Само собою понятно, что самопожертвоваше христианина только тогда нравственно ценно, когда оно, будучи вызвано необходимостью, является свободным и проистекает из глубокой любви к предмету, его вызывающему. Мы, напр., высоко ставим воина, умирающего на войне. Но, если он не был одушевлен доброю волею и готовностью положить, в случае надобности, жизнь свою за престол и отечество, и умер даже быть может с сильным негодованием, мы его смерть вменяем ни во что.

Долг самосохранения включает в себя право и долг *самообороны*, или самоличного защиты своей жизни, в случае внезапного нападения на нее и при отсутствии возможности обратиться за помощью к начальству или власти.

Самообороною человек не только спасает себя, но и ограждает правовой порядок общества, следовательно действует во имя нравственной идеи. Защищая себя от нападения, христианин не должен иметь намерения умертвить нападающего, а только — отразить нападение, овладеть нападающим, если возможно, и предать его суду властей.

Гражданские законы дают больше места самообороне, чем закон нравственный. Они позволяют защищаться с оружием в руках и при нападениях только на имущество. Нравственный закон христианской религии этого не позволяет. Имущество может быть снова приобретено, а убитого из-за имущества нельзя воскресить — при том имущество не равно жизни. Следовательно, защищаться до умерщвления противника можно только в случае нападения на жизнь или на то, что даже ценнее жизни (напр., на целомудрие женщины).

Не позволительна самооборона для *миссионера*, проповедующего Евангелие, и для *священника*, совершающего Богослужение. Проповедник Евангелия мира и совершитель Безкровной Жертвы должны противопоставлять нападению мужество мученика, а не внешнее насилие ⁴.

В прямом противоречии с долгом сохранения собственной жизни стоит сознательное и намеренное уничтожение ее или *самоубийство*.

К самоубийству приводит человека или постоянная, порочная жизнь, рождающая в нем душевную пустоту и мысль о безцельности человеческого существования; или какой либо великий грех, лежащий на нем как тяжелый камень на его душе и совести, и представляющийся ему как бы закрывшим всякую возможность прощения и избавления; или сильная житейская неудача, производящая совершенное разочарование; или тяжкий жизненный удар (напр., потеря чести, имущества), лишаящий человека желательной опоры; или неизлечимая болезнь, непрестанно мучающая человека и рисующая ему перспективу лишь самого безотрадного существования; или сильное нервное расстройство; или, наконец, помешательство. (Наше время с некоторым усилием старается объяснить каждое самоубийство временным

помешательством, но без достаточных оснований... Да и в самом своем помешательстве, если бы оно действительно довело человека до самоубийства, человек иногда бывает не безвинен).

Всякий самоубийца — великий грешник. Он прежде всего нарушает своим самоубийством права своих ближних, так как он не признает своей принадлежности им и Богу, думая, что принадлежит только себе самому... «Еже пребывати мне во плоти», пишет Ап. Павел Филиппийцам, «нужнейше есть вас ради» (Гл. 1, ст. 24). Даже совершенно слабый и больной человек полезен для ближних, окружающих его: он может влиять на них весьма благотворным образом, представляя собою примерь твердой веры, истинно христианского терпения и глубокого упования на Бога, о принадлежности нашей Коему Апостол говорит: «никтоже нас себе живет, и никтоже себе умирает; аще убо живем, аще умираем, Господни есмь» ([Рим. XIV:7—8](#)).

Поканчивая с собою, самоубийца действует прямо противонравственно. Он уничтожает свою телесную жизнь, — необходимое условие всякой нравственной деятельности. Мало этого. Он имеет в виду уничтожить не только свою телесную жизнь, но и вообще свое «я», т. е. *всякое вообще свое существование*. Он рассчитывает раз навсегда прекратить все свои счета. Следовательно, его намерение направляется против своего нравственного назначения. Все нравственные обязанности он слагает с себя, как несносный или даже неинтересный. А так как эти обязанности возложены на нас Самим Богом, то, очевидно, самоубийца возмущается и против Бога, не хочет покориться Его святой воле и премудрому мироправлению. Свергая с себя все нравственные обязанности и стремясь к полному уничтожению себя, самоубийца, очевидно, надеется избежать и всех последствий неисполнения своего назначения и отречения от своей нравственной деятельности, т. е. наказания. Но на нем только исполняются слова: «взыщет человек смерти, и не обрящет ея; и вожделеет умерети, и убежит от него смерть» ([Апок. IX:6](#)). От отчаяния, в котором часто совершается самоубийство, здесь нет избавления, ибо самоубийство ведет к самому полному отчаянию, которое наступает по смерти, когда самоубийца видит, что своим действием он не достиг желанного уничтожения, что у него есть бессмертная душа, которая, однако, удалена от Бога, источника истинной, приснотекущей жизни... На тот свет самоубийца является непризванным. Иной самоубийца думает, что на том свете потеряет свое значение совершенное им самоубийство и действие самоубийства может быть ему прощено там. Но он жестоко ошибается. Появление самоубийцы на тот свет будет страшным разуверением, ужасным и непоправимым разочарованием.

В зависимости от разнообразных причин самоубийства, между самоубийцами можно полагать некоторое различие. Например, решившийся на самоубийство вследствие какого либо тяжкого жизненного удара несколько лучше решавшагося на такое действие, вследствие постоянной своей порочной жизни. Но извинять самоубийство, оправдывать его в некоторых случаях, как это делают в наши дни люди матергалиетического образа мыслей, а тем более величать его, как величали, напр., стоики, решительно нельзя. Стоики восхваляли самоубийство (в случай несносного существования человека), как дело мужества, героизма. Но ведь большим героем показал бы себя человек, если бы он нес до часа естественной смерти ту жизнь, которая ему тягостна и даже как бы невыносима. Если же он прекращает с нею счеты холодною нуленкою душливою петлею или острым ножом; то, значит, он робок и малодушен: он убоился житейских тягостей.

Он не сумел даже поддержать себя среди скорбей и бедствий жизни верою в Бога и надеждою на лучшую, загробную жизнь.

Хотя в св. Писании нет прямого воспрещения самоубийства (если не усматривать его в VI-ой заповеди десятословия), как нет и прямой заповеди любить самого себя ([Еф. V:29](#)), но преступность самоубийства ясно вытекает из печального изображения самоубийства Иуды

Искаротского (Мф. XXVII, 3 и д., сн. [Деян. 1:18—20](#)) и из решительного воспрещения убивать себя, сделанного Ап. Павлом темничному стражу ([Деян. XVI:27 — 28](#)), и вообще из основных религиозно-нравственных воззрений св. Писания. Св. Писание требует полной преданности Божественной воле и всецело упования на безпредельное милосердие Всевышнего ([Рим. XIV:7 — 8](#); Мф. VI, 32 и др.); заповедует постоянное нравственное делание («дондеже время имамы, да делаем благое» — [Гал. VI:10](#); «подобает делать дела, дондеже день есть: придет ночь, егда никтоже может делати» — Иоан. IX, 4), учит смотреть на тело человеческое как на храм св. Духа, который надобно сохранять в чести и не разрушать. — «Не всте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто храм Божий растлит (т. е. разорит, осквернит), растлит (т. е. покарает) сего Бог» ([1 Кор. III:16—17](#)).

Вот почему христианская [Церковь](#) издревле смотрит на самоубийство как на великое преступление и тяжкий [грех](#)⁵).

Она осудила его на многих соборах и издавна выражала свое отвращение от него тем, что лишила самоубийцу погребения⁶).

В наше время самоубийства с года на год учащаются. И моралисты вполне правы, объясняя это печальное явление ослаблением и потерю в человечестве чистой веры в Бога и распространением материалистического, языческого образа жизни. Ведь в древне языческом мире самоубийство (считавшееся тоже недостойным действием) встречалось редко, пока в нем была жива вера в богов; и только с исчезновением этой веры, язычество стало спокойно смотреть на него, как на ускорение естественной смерти — совершенного конца человеческого бытия.

Обязанный охранять свою телесную жизнь, как носительницу богоподобной души, христианин должен заботиться о здоровье и крепости своего тела, как необходимого органа и орудия для деятельности своей души.

Заботы о теле должны направляться на то, чтобы сделать этот орган возможно послушным духу и возможно крепким для служения духу.

Как вреден для духовной жизни избыток чувственных сил и животной жизни, так вреден и недостаток их. Следовательно, правильное попечение о теле требует и воздержания и удовлетворения; одним словом — умеренности.

«Царство Божие несть брашно и питие» ([Рим. XIV:17](#)), а потому Спаситель и заповедал Своим истинным последователям: «внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объедем и пьянством..., и найдет на вы внезапно день» страшного суда ([Лук. XXI:34](#)), — чтобы, таким образом, мы употребляли пищу и питье в той мере, сколько их необходимо для поддержания и укрепления наших сил, умеренно. Ап. Павел порицает «непощадение» (изнурение) тела, небрежение о «сытости (насыщении) плоти», называя это только «призраком мудрости» (т. е. мнимую мудрость), «заповедью и учением человеческими» ([Колос. II:22 — 23](#)); Тимофею же прямо посылает диетический совет: «ктому не пей воды, но мало вина приеми, стомаха ради твоего и частых твоих недугов» ([1 Тим. V:23](#)). Тот же Апостол при этом заповедует «плоти угодия не творити в похоти» ([Рим. XIII:14](#)) т. е. попечения о плоти не превращать (не искажать) в похоти.

Забота о своем пропитании или о пище для человека всегда была необходимостью. Даже первозданные люди, обитая в раю, должны были некоторым образом проявлять свою заботливость о ней, возделывая и храня рай. Конечно, до грехопадения труд доставлял человеку только удовольствие и радость. Иной характер получил он с грехопадением. Человеческая душа утратила стремление к доброй деятельности, стала слабою и ленивою; а природа, проклятая за человеческое преслушание Божественной воли, и утратившая свою девственность, оказалась неподатливою и для своего возделывания требующею «пота лица» человеческого ([Быт. III:17](#)).

18). Таким образом, труд из-за хлеба вообще стал неизбежным уделом человека, а голодная смерть естественным следствием лени и праздности ²).

Но прилагая труд к добыванию себе пищи, христианин никогда не должен забывать своих высших духовных потребностей, «Если другие живут для того, чтобы есть», рассуждает [Климент Александрийский](#) во второй книге своего «Педагога», «то мы будем есть для того, чтобы жить. Будем довольствоваться необходимым и не искать чувственного наслаждения. Будем употреблять пищу простую и не многую, так как она полезнее для духовной деятельности; пища же изысканная и неумеренное употребление пищи вредны телу, препятствуют и душе стремиться к небесным предметами».

К заботе о телесной жизни относится попечение о возстановлении разстроенного тела болезнью — «Почитай врача, говорит премудрый, противу потреб честию его: ибо Господь созда его. Господь созда от земли врачевания, и муж мудрый не возгнушается ими» ([Сир. XXXVIII:1, 4](#) и д.). Особенно необходимо лечение болезней повальных, эпидемических, прилипчивых, который, при небрежном и невнимательном отношении к ним человека больного, становятся причиной смерти как его самого, так и окружающих его.

Так как болезни суть следствия человеческих грехов, то св. Церковь предлагает с своей стороны к врачеванию их таинство елеосвящения ([Иак. V:14](#)).

Люди во время своих болезней обыкновенно расположены к моральной изнеженности и к неумеренному снисхождению к себе. Но нам не позволительно быть рабами своего тела. Мы должны заботиться больше о здоровье своей души; а потому, терпеливо перенося телесные недуги, как наказание, предостережение, испытание, посылаемые нам Богом, должны по возможности (лишь бы не усилить болезнь) делать, что лежит на нас как нравственный долг, и в дни таких посещений

С другой стороны, так как люди сами бывают причиной своих болезней, по незнанию диетических, гигиенических и других условий сохранения своего здоровья, то на каждом лежит долг по возможности узнавать и изучать эти условия и сообразовать с ними свою жизнь.

II.

Стремясь к сохранению и поддержанию своей телесной жизни, в виду ее необходимости для нравственной деятельности на земном поприще, человек всегда должен быть проникнут сознанием и чувством своего личного достоинства, основывающегося на особенной ценности его души, назначенной сделаться богоподобным духом.

Уважение к этому достоинству должно воспрещать человеку всякое осквернение своей души преданием ее рабству чему-либо или кому-либо из-за жизни тела. Иначе говоря: христианин, заботясь о своей телесной жизни, должен блюсти свою личную чистоту и духовно-нравственную свободу или нравственную самостоятельность.

Во имя личной своей чистоты, христианин обязан по возможности освобождать себя от насильственных влияний своей телесной чувственной природы и охранять свой дух от загрязнения и осквернения чувственностью. Лакомство и изысканность в пище, пресыщение ею, пьянство, половая невоздержность и беспорядочность, страсть к различным наслаждениям и т. и. — все это личная или нравственная нечистота. Чистота же сердца и поведения, т. е. кагь внутренняя чистота, так и внешняя (*целомудрие*, в широком смысле — этого слова) в св. Писании признается существенным свойством христианина ([1 Петр. III:2](#); [1 Тим. IV:12](#); Мф. V, 8; [1 Кор. VI:9—10](#) и т. п.), долженствующаго для этой чистоты «распинать плоть свою со страстями и похотьми» ([Рим. VI:12](#) и д.).

Во имя своей духовной свободы или нравственной самостоятельности христианин должен быть независимым частью от внешних благ и вообще от внешних условий своего существования, а частью и от других людей. В первом случае христианин не должен

предаваться излишней заботливости об удовлетворении своих телесных потребностей, а обязан довольствоваться простыми и близкими средствами, не превышающими его действительно-настоятельных нужд. Вот почему Христос Спаситель заповедал: «Не печьтесь душою вашею, что ясте, или что пиесте: ни телом вашим, во что облечетесь: не душа ли больше есть пищи, и тело одежды:... Не печьтесь убо, глаголюще, что ямы или что прием, или чим одждемся? Всех бо сих языцы ищут... Ищите же прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Не печьтесь убо на утрей, утрей бо собою печется: довлеет дневи злоба его» (Мф. VI, 25 — 34). И Ап. Павел предписывает, чтобы имеющие жен были как бы неимеющие их, и плачущие — как не плачущие, и радующиеся — как не радующиеся, и покупающие — как не приобретающие, пользующиеся миром сим — как не пользующиеся» ([1 Кор. VII:29—31](#)), замечая при этом в другом месте о себе самом: «аз навыкох, в нихже есмь, доволен быти (т. е. быть довольным, что имею). Вем и смиритися (т. е. умею жить и в скудости), вем и избыточествовати (т. е. жить в изобилии): во всем и во всех навыкох, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишати. Вся могу о укреляющем мя Иисусе Христе ([Филип. IV:11—13](#)).

Во втором случай христьянин должен неуклонно исполнять свои обязанности, не прельщаясь чьими бы то ни было общаниями и не пугаясь каких бы то ни было угроз и наказаний, зная, что не столько следует бояться «убивающих тело, души же не могущих убить», сколько «могущаго и душу и тело погубить в геенне» (Мф. X, 28), и что заповедь Апостола: «не будите раби человеком» ([1 Кор. VII:23](#)) нужно понимать не в физическом только смысле, но и в духовном.

III.

Как существо с телесными потребностями, человек в земной жизни нуждается для удовлетворения их в материальных средствах, совокупность коих, находясь в его *исключительном* владении и распоряжении, называется его имуществом или собственностью.

В теснейшем смысле тело человека есть ближайшая его. собственность, так как оно есть первый и самый непосредственный орган деятельности человека на земле. Но посредством тела человек, как владыка земли, подчиняет своему господству и служению безжизненную природу, растения и животных и превращает их в свою собственность, влагая в них свою волю и употребляя их для своих целей.

Таким образом, собственность имеет свое основание в духовно-телесной природе человека, поскольку человек предусматривает свои телесные потребности, и, как существо духовное, долженствующее думать о своих духовных нуждах, старается обладать и условиями их удовлетворения. С переходом в загробный (духовный) мир человек разстается с материальною собственностью — но в имущество, остающееся после него, он может вложить свою волю. (На этом основывается наследственное право).

Коммунизм и социализм, имеющий много приверженцев в Западной Европе среди даже низшаго класса общества, стремятся к уничтожению права собственности, ожидая, этим самым удалить из настоящего мира все бедствия и страдания людския, как будто человек есть только животное и имеет лишь животныя потребности, и как будто — с осуществлением теории коммунизма и социализма исчезнет в мире корень всех зол и бедствий — человеческий грех. Всюду, где возникало и развивалось человеческое общество, создавалось и право собственности. Следовательно, уничтожать это право — значит разлагать человеческое общество и вести его к анархии. И действительно, коммунисты и социалисты, отрицая собственность, отрицают брак, семейство, государство и церковь, т. е. уничтожают всякую организацию и всякий порядок в среде человечества.

Да и возможно ли осуществление коммунистических и социалистических теорий?

Если бы, напр., сегодня каким либо чудом разделить между людьми поровну все земное

имущество, то завтра уже, без сомнения, оказалось бы значительное различие в количестве владеемого каждым. Одни теряли бы его вследствие беспечности и лености, а другие — более усердные и трудолюбивые приобретали бы. Кроме того, нельзя упускать из виду и тех естественных причин, которые влияют на умножение или уменьшение имущества различных лиц в разных местах (болезни, пожары, неурожай и т. п.). Вот почему никогда не изсякнет сила древняго слова: «богат и нищ сретоста друг друга (т. е. богатый и нищий неизбежно живут друг с другом), обоих же Господь сотвори» ([Притч. XXII:2](#); ср. [XXIX, 13](#)).

Коммунисты и социалисты ссылаются на пример Христа Спасителя и Его учеников, у которых все было общее, и на первое христианское общество, в котором «все веровавшии бяху вкупе, и имяху вся обща» ([Деян. II:44](#)), в котором «бе сердце и душа едина: и ни един же (из членов котораго) что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща» (глава IV, 32). Но обстоятельства жизни Христа Спасителя и Его учеников были особенныя: они должны были постоянно переходить для проповеди Евангелия с одного мста на другое, что не давало возможности иметь собственность или имущество. Общность же имущества первых христиан была следствием порыва первого воодушевления, тем более естественнаго, что обладание имуществом, вследствие начавшагося гонения на христиан, было весьма ненадежным, так что сама необходимость наставляла христиан тесно сплотиться для взаимнаго вспоможения. При этом нужно помнить, что отречение от имущества у первых христиан не было полным; каждый мог и удержать из своего имущества, сколько хотел. Упрекая Ананию, Ап. Петр сказал — «сущее тебе, не твое ли бе, и проданное не в твоей ли власти баше ([Деян. V:4](#))? Наконец, известно, что общение имущества у первых христиан было кратковременным и местным; существовало оно не долго и только в Иерусалиме. И вскоре же оно оказалось не практическим: Иерусалимская община настолько обеднела, что другия христианския общины посылали ей вспоможения ([2 Кор. XVI:1—4](#); [2 Кор. IX](#)).

И так, с развитием общества необходимо создается право собственности, и собственность становится необходимым условием жизни человека и неотъемлемым орудием его деятельности на земле. Потому то Св. Писание учит смотреть на собственность, как на дар Божий, и правильно пользоваться этим даром. «Всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяйот Отца светов» ([Иак. 1:17](#); см. [Сир. XXXI:8](#); XIII, 30).

В какой же мере, может и должен христианин стремиться к приобретению имущества?

Прежде всего христианин должен стремиться к приобретению имущества в такой мере, чтобы мог без нужды содержать себя (и свое семейство). Что сверх сего, то имеет меньшее значение. Однако, с одной стороны, нельзя думать, что христианство отвергает всякий избыток, т. е. обладание материальными средствами и употребление их в большей мере, чем вынуждают нас к тому насущныя потребности. Известная степень изобилия оправдывается тем, что жизнь дана Богом человеку и для наслаждения. И чем выше положение человека в обществе, тем больше получает он прав на лучшую долю и лучшее содержание. Это в порядка вещей. С другой стороны, излишек имущества требуется для благотворения бедным. При отсутствии средств теряется возможность помогать другим.

Вообще же говоря, человек в праве стремиться к приобретению имущества в той мере, в какой он в состоянии *морально возобладать* им, т. е. поставить его в подчинение и распоряжение своей нравственной воли⁸).

Если человек хранит имущество без всякаго употребления его, то ему не слдует и владеть им (см. [Еккл. V. 12. 15](#)). Даже но гражданскому законодательству долговременное непользование каким-либо угодем лишает владельца права на него (по крайней мере, части нрава).

Если имущество овладевает человеческою душою и волею и рождает в душе человека

страсть к обладанию имуществом, корыстолюбие или любостяжание, то тут нужно видеть царство глубокого противоречия: из обладаемого имущество превращается в обладающее, из средства оно становится целью. Поэтому и сказано нам: «богатство аще течет, не прилагайте сердца» ([Пс. LXI:11](#)); «не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже червь и тля тлит, и идеже та подкопывают и крадут. Скрывайте же себе сокровища на небеси, идеже ни червь ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут». (Мф. VI, 19—20). «Безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе: а я же уготовал еси, кому будут». ([Лук. XII:16—21](#)). Особенно сильно осуждает Св. Писание корыстолюбие и скупость, когда подводит их подношние *идолослужения*: «лихоимание есть идолослужение» ([Кол. III:5](#)); «всяк лихоимец есть идолослужитель» ([Еф. V:5](#)). «Никтоже может двема господинома работати...: не можете Богу работати и мамоне» (Мф. VI, 24).

Если, наконец, человек полагается на богатство, смотрит на него, как на прочную опору своей жизни, то он считает свое существование обеспеченным, и следовательно надежда на Бога в его душе как бы угасает, становится излишнею. В предостережение от такой опасности Ап. Павел пишет в послании к Тимофею: «богатым в нынешнем веце запрещай не высокоумствовати, ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающего нам вся обильно в наслаждение» ([Тим. VI:17](#)), потому что, говорить он в другом послании, «преходит образмира сего» ([1 Кор. VII:31](#)).

Что обладание имуществом сверх настоятельных нужд, или богатство соединено с нравственными искушениями и опасностями, это признано давно. «Хотящие богатитися впадают в напасти, и сеть, и в похоти многи несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубительство и погибель. Корень бо всем злым сребролюбие есть: его же нецыи желающе заблудиша от веры, и себе пригвоздиша болезнем многим». ([1 Тим. VI:9-10](#)). Признано равным образом и то, что своего рода искушения и опасности связаны и с бедностью или нищетою, т. е. с отсутствием необходимых средств для существования или крайнею скудостью их. В последнем случае человек становится склонным к зависти, малодушию, обманам, коварству, хищничеству и разным низостям и подлостям. Поэтому наиболее благоприятствующим нравственному развитию человека следует считать *среднее* материальное состояние. В книге Притчей Соломона читаем такое моление ко Всевышнему: «Двое прошу у Тебе, не отъими от мене благодати прежде умертвия моего. Суетно слово и ложно далече от мене сотвори, богатства же и нищеты не даждь ми: устрой же ми потребная и самодовольная. Да не насыща ложь буду, и реку: кто мя видит? или обнищав, украду и кленуся именем Божиим» ([Притч. 30:7—9](#)).

Нравственно оправдываемыя средства приобретения имущества суть труд, бережливость и правильное домохозяйство. На труд, как на источник пронитания и материального благосостояния, указывает Ап. Павел солунским христианам, в среде которых развивались праздношатание и тунеядство ([2 Сол. III:6—12](#); ср. [Еф. IV:28](#)).

Возможны также унаследование имущества и получение подарков, в силу любви, соединяющей двух лиц и производящей такую передачу вещественных благ. Позволительно и имеющееся у нас имущество делать средством для приобретения нового имущества и отдавать деньги на проценты (это разрешал и Ветхозаветный закон; см. напр., [Второз. XXIII:20](#); Исх. XX, 25; [Пс. XI:5](#)). Но ростовщичество, как пользование денежным з *атру днени ем* ближних, и взимание чрезмерно больших процентов, безусловно непозволительно. Непозволительно также пользоваться для приобретения имущества и азартными играми. Христианин должен стыдиться и лотерейного выигрыша, как способа увеличения своего имущества. В крайнем случае ему можно участвовать в лотерее, как чистой игре (хотя лотерея, и как игра, довольно плоха и вредна для общества в нравственном отношении), но не как средство наживы ⁹.

Если, как мы сказали, богатые и вообще имущие должны хранить свою внутреннюю, духовно-нравственную независимость от богатства и вообще имущества, то и долг бедных блюсти свой внутренний, духовный мир независимо от бедности. Очутившись в необходимости бедно жить и скудно есть, бедняк должен в своей душе вполне мириться с таким своим положением. («Имеюще пищу и одеяние, сими доволни будем» — [1 Тим. VI:8](#), «Ничтоже внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем», — ст. 7), — тем более, что ему, при материальной бедности, есть полная возможность быть богатым и высоким духовно. «Мы нищи, говорит Ап. Павел, но многих обогащаем — мы ничего не имем, но всм обладаем, ([2 Кор. VI:10](#)). «Да хвалится богатый, пишет Ап. Иаков, унижением своим — а брат униженный — высотой своею» (гл. I, ст. 9, 10).

Но людской мир как бы забывает такие возвышенные слова небесного учения. Бедняки с завистью и злобою глядят на богатых, а богачи с коварством и ненавистью смотрят на равных с себе, как бы не довольствуясь еще своим состоянием, находя его малым и даже ничтожным. Как те, так и другие, очевидно, забывают, что не от них только самих зависать такое или иное имущественное положение, а что Сам Всевышней каждого «убожит и богатит, смиряет и выносит» ([1 Цар. II:7](#)).

В распределении земных благ царит правда и милость, истина и законосообразность, или, говоря иначе, нравственный миропорядок, сокрытый от человеческих взоров. Впрочем, весьма нередко этот порядок в распределении земного имущества с ясностью открывается как в судьбе многих частных лиц, так и в истории целых обществ и народов.

«Аще хотите, и послушаете Мене», говорил Господь чрез пророка Исаии, благая земли снесите: аще же не хотите, ниже послушаете мене, меч вы пояст» ([Ис. I:19. 20](#)). Псалмопевец, изображая участь праведника, восклицал: «сильно на земли будет семя его, род... благословится, слава и богатство в дому его» ([Пс. CXI](#), ст. 2 — 3).

[Истина](#) этих слов многократно подтверждалась самыми разительными фактами в судьбах еврейского народа. Почти всякий раз, когда Израиль впадал в богоотступничество и начинал жить по своим похотям, его неотвратимо постигали лишения, разорения и тяжелое рабство пред другими народами, всегда угнетавшие его до той поры, пока он снова «в плаче и рыдании» не обращался к Богу сердцем очищенным в горниле бедствий и страданий... На нем, таким образом, вполне сбывались те знаменательные благословения и проклятия, который были изречены в слух всего Израиля с высоты двух палестинских гор — Гевал и Гаризим ([Второз. XXVII-XXVIII](#)).

И в судьбах всех народов замечается проявление того же миропорядка. Доколе в народе царит чистота и простота нравов, он бывает богатым, сильным и могущественным. Но лишь только им овладевает разврат, к которому так располагает обилие земных благ, служащее роскоши и неге, он мельчает, изживается и уничтожается с лица земли, оставляя по себе память в жалких грудях развалин своих величественных и роскошных зданий, бывших плодом тщетного пользования громаднейшими силами, капиталами и другими благами.

Так прожили свою богатую жизнь Египтяне, Ассирийцы, Вавилоняне; так пронеслись золотые века Персов, Греков и Римлян.

Что бывает с целыми народами и обширными государствами, то же происходит и с маленькими обществами — семействами — и отдельными лицами, с тем лишь различием, что отдельный семейства и индивидуумы являются и распорядителями благ еще на более короткое время, чем целые народы, даже при благоразумном употреблении этих благ.

Еще короче бывает обладание благами в среде людей, не обращающих внимания на нравственные требования при пользовании ими.

Не мало, по видимому, бывает исключений из этого общего закона. Нередко можно видеть,

что богатством пользуются люди нравственно недостойные, употребляющие его не на благо, а на зло. (Вот почему наш Христос — Спаситель говорил, что «не удобь богатому в царство Божие внити», что удобнее верблюду пройти сквозь ухо иглы, чем богачу войти в царство небесное, [Лк. XVIII:19 — 25](#); Мф. XIX, 23).

Подобные случаи яснейшее и успокоительнейшее разъяснение себе получают в притче нашего Спасителя о богатом и Лазаре, рисующей неодинаковую участь в загробной жизни — нравственно низкаго богача и духовно-смиреннаго Лазаря, и тем самым убеждающей нас богоугодно употреблять все таланты и блага, даруемые нам на время нашего земнаго жития.

Видя в своем имуществе дар Божий, христианин должен пользоваться им разсудительно, избегая как скупости, так и расточительности¹⁰). При разумно-христианском только пользовании своим имуществом человек может испытывать сердечное удовольствие, происходящее в особенности в минуты его благотворения и помощи нуждающимся ближним, в минуты спасения их от холода и голода, так часто толкающих человека на путь порока и преступления.

IV.

Трудясь для приобретения материальных благ, необходимых для поддержания и сохранения своей телесной жизни, человек достигает наибольшаго и скорейшаго успеха при соединении своего труда с трудами других лиц, или деятельностью в сообществе людей.

Существенным же условием принятия человека в общество служит *честь человека*, или признание его нравственного достоинства со стороны общества. Это — так называемая внешняя честь человека, составляющая, впрочем, лишь относительное благо его, так как она не всегда может соответствовать действительно нравственному достоинству человека. Степенями этой чести служат доброе имя, уважение, почитание и слава. Безусловным благом, ради котораго человек должен приносить в жертву все, даже жизнь, в сравнении с внешнею честью, необходимо считать честь человека внутреннюю, или признание его нравственного достоинства со стороны его собственного сознания и со стороны Бога, свидетельствующего ему Свое благоволение посредством совести. О такой чести говорится в Слове Божиим: «славы, яже от единого Бога, не ищите» (Иоан. V, 44); «возлюбиша паче славу человеческую, неже славу Божию» ([Иоан. XII:43](#)). Эта внутренняя честь человека не зависит от общества: оно не может ни отнять ее, ни сообщить ее человеку. (Она основывается на правильном самопознании человека, и требует от него добросовестна самоиспытания). Посему-то о ней главным образом и должен заботиться христианин. Внешней же чести ему позволительно искать не иначе, как только стремлением к внутренней чести, т. е. к нравственно-достойной деятельности, к ревностным и добросовестным занятиям в обществе. Только таким способом может и должен «светиться свет наш пред человеки» (Мф. V, 16).

Премудрый Соломон ставит «доброе имя» выше богатства и «добрую славу» выше серебра и золота ([Притч. Солом. XII, 1](#)); а Ап. Павел даже так говорит: «добрее мне даче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднит» ([2 Кор. VIII:21](#); ср. [Филип. IV:8](#)). Поэтому христианину нельзя относиться к своей внешней чести равнодушно или презрительно. Но искать чести ему следует не у всех людей и каждаго человека, а только у лиц достойных, которые сами заслуживаются почтения за свои нравственные качества. Честь, принимаемая от людей недостойных, не есть честь, а осквернение чести. Когда посланные фарисеями пришли ко Христу Спасителю и стали говорить Ему: «учителю, вемы, яко истинен еси, и пути Божию воистину учиши, и не радиши ни о ком же: не зриши бо на лице человеков» и т. д., т. е., начали чествовать Его, Он ответил им: «лицемере» и т. д., т. е., отверг их чествование, а между тем чествование, напр., от Марии Магдалины (помазание драгоценным миром) Он принял ([Иоан. XII:7](#)).

Далее, христианину можно искать внешней чести лишь в той степени, в какой он обладает

внутреннюю честь, т. е., нравственным достоинством. Христианин не должен показывать себя пред людьми лучшим, чем каков он есть на самом деле, и домогаться большей чести, чем какой он заслуживает. Ему следует быть скромным в ожидании и требовании для себя чести от людей, в виду возможности обмануться на счет своего достоинства и оценить себя выше должного; и смиренным пред Богом, милости и щедротами Которого он обладает нравственным достоинством, и Которому поэтому должен отдавать получаемую честь. «Что имаши, его же неси приял — аще же приял, что хвалишися? (1 Кор. IV:7; сн. Мф. V, 16) вопрошает у каждого из нас великий Апостол языков.

Стремление пользоваться внешнею честью, при отсутствии чести внутренней, называется честолюбием и тщеславием. Господь [Иисус Христос](#) так упрекал честолюбивых и тщеславных фарисеев: како вы можете вровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите» ([Иоан. V:44](#)); и о Себе Самом свидетельствовал, что Он «славы от человек не приемлет» (ст. 41). Также и Ап. Павел писал солунским христианам: «никогда же в словеси ласкания быхом к вам, якоже весте... Ни ищуще от человек славы, ни от вас, ни от иных» ([1 Сол. II:5—6](#)).

Часто бывает, что человека с чистыми нравственными намерениями и действиями люди не узнают и не понимают — и даже такие люди, доброе мнение коих о себе человек хотел бы приобрести. Это происходит от того, что внутреннее достоинство человека не всегда точно и ясно усматривается окружающими его лицами, почему и суждения их о нем являются сильно разнообразными. Нередко же злонамеренность и враждебность людей омрачают и подрывают честь и самага лучшего человека. Мало этого, если в обществе в значительной степени распространена нравственная порча, или если в число людей, имщих власть и силу, попадают лица нравственно недостойные, человек нравственно-безупречный может быть даже прямо гонимым и преследуемым. В таких случаях внутренняя честь, доставляемая человеку сознанием правильности и благотворности его действий, должна быть предпочитаема им внешней чести; он не должен бояться ложных суждений о себе, а христиански-терпеливо и кротко нести незаслуженное поправление своей чести, видя высокий пример этому в лице Спасителя и Его Апостолов. Он должен помнить высокое обетование Спасителя: «блажени изгнани правды ради; яко тех есть Царство небесное. Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради» (Мф. V, 10—11). Имея в виду возможность превратных суждений общества о действиях человека и возможность превратной чести, Ап. Павел говорил: «для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; судия мне Господь» ([1 Кор. IV:3—4](#)).

Защищать свою честь, заботиться о восстановлении ее, при несправедливых поправаниях ее, христианину, конечно, позволительно; а в иных случаях даже обязательно. Так, лица, нуждающиеся в особенном общественном уважении, по своему особому положению в обществе, не в праве сносить злоречий, которыми их могут поносить люди, несправедливо желающие подорвать их авторитет и значение. Из описаний Ап. Павла мы можем видеть, как горячо и энергично он ратовал за свою честь, попиравшуюся его противниками и лжеучителями, указывая всегда на свои труды и страдания, на свое безукоризненно — чистое и светлое поведение и на обилие тех даров, коими он был облагодатствован свыше. И Сам Христос Спаситель отражал лживые обвинения фарисеев, ссылаясь на Свои дела, который Он показал им от Отца Своего ([Иоан. X:32](#), Мф. XII, 24 и д.; сн. [Иоан. VII:49](#) и др.).

У нас прямым средством для защиты и восстановления чести служат гражданские суды. Обращение к этому средству нельзя ставить человеку в безусловный долг, особенно в мелочах. Прощение обиды врагу и поносителю нашему скорее утверждает наше доброе имя в обществе и служит лучшим спасителем нашей чести, чем судебная тяжба. Сознывая глубину собственной

греховности, мы должны иметь в себе готовность пропускать причиняемые нам неприятности мимо себя, и предоставлять спасение своей чести Богу. «Страждущии по воле Бога, говорит Ап. Петр, да предадут Ему, как верному Судии, души свои, делая добро» ([1 Петр. IV:19](#)). И действительно, строгая, неуклонная наша последовательность в добрых действиях — весьма могущественна для защиты и восстановления нашей чести. Она, по словам Апостола, «заставляет замолчать наших клеветников и непонимающих нас» ([1 Петр. II:5](#)).

Как вообще при самообороне, так и при охране своей чести христианину нельзя идти дальше необходимого: если он доказал свою невинность и восстановил свою честь, то никоим образом не должен вести дальнейшее преследование нападавшего на него. В противном случае его самооборона превратится в мщение.

Безусловно непозволительно для восстановления своей чести прибегать к поединку или дуэли. Дуэлист, подвергая очевидной опасности жизнь своего противника, в такую же великую опасность ставит и свою собственную. Притом, гоняясь за внешнею честью (которая и не может быть восстановлена вызовом ея оскорбителя на поединок), дуэлист теряет свою внутреннюю честь, свое нравственное достоинство. Он становится равным самоубийце, который из за земных и временных тягостей и невзгод лишает себя горняго и вечнаго блага.

Говорят, что дуэль необходима для удовлетворения оскорблений такого рода, которые «по своей тонкости» не могут быть представлены на разбор общественного законнаго суда. Но христианину скорее следует не обращать внимания на тая оскорбления и прощать их, чем прибегать к недостойным и пагубным средствам защиты своей чести. Ведь нам — христианам заповедано: «не себе отмщающе, возлюбленнии, но дадите место гневу (т. е. предоставьте место гневу разоряться)»... не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся: не бывайте мудри о себе. Ни единому же зла за [зло](#) воздающе, промышляюще добрая пред всеми человеки» ([Рим. XII:19](#), 16, 17) — «не бываем тщеславнии, друг друга раздражающе, друг другу завидяще» ([Гал. V:26](#); ср. [1 Сол. II:5—6](#); Мф. V, 39) и т. п.

V.

Обязанный самою жизнью своей души на земле в союзе с телом прилагать труд и старание к приобретению средств для поддержания и сохранения тела, как органа души, христианин всегда должен смотреть на подобный свой труд не как на исключительное и самое важное свое дело, а как на дело служебное, подчиненное деятельности его высшей и главнейшей - *деятельности духовной*. Полагать весь смысл и цель своей земной жизни в приобретении чувственно-материальных благ и только из за них работать и трудиться, не позволяет человеку сам его богоподобный дух. Чем большими человек располагаем материальными благами, чем более он отдается во дни своей цветущей юности и трудящагося мужества чувственно телесным удовольствиям, тем скорее он пресыщается ими и тем сильнее и быстрее начинает испытывать в своей душе томительную пустоту, мучительную скуку, глубокую тоску и, наконец, досадное разочарование. Значит, дух человека не к тому предназначен, чтобы быть в услужении телу и рабстве чувственным благам — для него необходимы высня блага, более чистыя и прочный, могунця удовлетворить его коренным и незаглушимым потребностями Дух человеческий, этот образ Самого Бога, непреодолимо стремится к истине, добру и красоте. Следовательно, любовь христианина к себе самому должна направляться на удовлетворение этих духовных потребностей, на развие и усовершенствование высших сил своей души — на просвещение своего ума истиною, на утверждение своей воли в добре и на воспитание в своем сердца истинно христианских чувствований по отношению к Богу и ближним. Это доставляет христианской душе истинную отраду и истинное благо, и только при этом высшем благе и все прочия вещественно-земныя блага могут быть в известной мере животворными и полными утениения для человека.

Первым и высшим предметом познавательных стремлений христианского ума должен быть Бог ([Еф. IV:22—25](#)) и Его воля святая и угодная ([Рим. XII:2](#)), как вечный основной и нерушимый закон всего бытия и всякой жизни, как глубина всякой премудрости и разума, указывающая человеку истинный смысл его бытия и открывающая ему все пути для достижения им своего назначения. Это высшее ведение сообщает человеку Божественное Откровение, хранимое и толкуемое св. Православною Церковью.

Познавая волю своего Творца и Спасителя, усвая своею душою изреченные Им глаголы живота вечного и постигая Его безпредельное величие и премудрость во всех явлениях окружающего мира, христианин в глубоком смирении должен признать *высочайшим благом* для себя исполнение этой Божественной воли, и свою слабую немощную и греховную волю всегда подчинять Воле высшей, постоянно упражняя свою волю в таком добром и спасительном деле, и все более и более утверждая ее в святости, как главной цели своей земной жизни. «Не призва бо нас Бог на нечистоту, но в святость» ([1 Сол. IV:7](#)).

Только такая любовь человека к себе самому должна считаться истинною и законною. Только при познании Бога и Его святейшей воли и при неуклонном стремлении к исполнению этой воли, человек может уже на земле испытывать в своем сердце некоторое блаженство. Его дух всегда будет пламенеть любовью к Богу, как виновнику всех благ, будет благоговейно смиряться пред Ним и повиноваться Его святейшей воле, беззаветно доверяться ей, предавать ей всю свою жизнь и деятельность, так что вся жизнь человека станет непрерывным служением Богу ([1 Сол. V:17](#)). А при таком религиозном, благочестивом настроении духа, христианин не станет угождать себе и своим чувственным хотениям, он будет бороться с собою, со всеми своими страстями и влечениями, которые могут разрушить его благочестивое настроение и тем отнять у его души высшую отраду в этом мире. Благочестивый человек, любя в себе стремление к Богу и к исполнению Его воли, любя таким образом, высшее в своем существе, во имя этой любви, откажется от родственных отношений и вообще всего дорогого в этом мире, если что-либо из этого может отклонять его дух от истинно христианского попечения о себе. ([Лк. XIV:26](#); [Мф. XIX:21](#) и [29](#); [VI, 24](#); [Мк. X:21](#); [Мф. V, 29](#)). Во имя высшего христианского призвания, всякое отречение имеет цену постольку, поскольку оно является делом свободной воли. Но он не откажется ни от какого земного блага и ни от какой земной радости, если только они не унижат и не осквернят его христианского духа, если они не послужат соблазном для него самого и его ближних. Он будет пользоваться в этом мире всем, что не представляет собою преграды исполнению христианского долга и что не нарушает чистоты христианского сердца. (Ап. Павел, напр., позволяет христианину проявления духа, имеющие мало связи с христианскою нравственностью, но под тем неперемennым условием, чтобы эти проявления теряли свой стихийный характер и подчинялись господству высшего христианского принципа; «гневаясь», говорит он, «не согрешайте»; [Еф. IV:26](#)). Он вместе с Апостолом будет разсуждать: «все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ни что не должно обладать мною» (но не все назидает. [1 Кор. VI:12](#); [X, 23](#)).

Таким образом, истинный христианин должен любить себя самого (вопреки учению квиэтистов), но не как существо чувственно-телесное (как учат эгоисты), а как существо духовно-разумное, долженствующее стать богоподобным созданием. Любя себя в таком смысле, он будет смотреть на свою земную жизнь, как на временное пристанище, а потому не станет гоняться за всеми ея благами, а будет пользоваться только теми из них, которые необходимы для более успешного развития, возвышения и совершенствования его духа. «Вемы», будет разсуждать истинно любящий себя христианин, «яко аще земная наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех. О сем въздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе» ([2 Кор. 5:12](#)), а потому он будет любить в себе

главным образом то, чем можно достигнуть вечных благ, т. е. будет всю свою душу, ум, волю и сердце устремлять к тому, чтобы стать человеком Божиим, созданным по Богу в правде и преподобии истины ([Еф. IV:24](#)), и на всяко дело благое уготованным ([2 Тим. III:17](#)). Он, при помощи благодати Св. Духа, будет истреблять в себе грех, отрекаться от всего дурного и своенравного, и раскрывать в своей душе вину, надежду и любовь к Богу; так что исполнение воли Божией для него будет такою же насущною потребностью, как для тела потребность в пищи ([Иоан. IV:34](#)).

Любя себя, в смысле любви к Богу (как существо богоподобное), христианин будет любить и ближних, как подобие Божие и вместе как средство научиться любить Бога и доказательство любви к Богу. «Аще кто речет, яко люблю Бога», говорит Апостол, «а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо не любяй брата своего, егоже виде, Бога, егоже не виде, како может любити? И сию заповедь имама от Него (Бога), да любяй Бога, любит и брата своего» ([1 Иоан. IV:20—21](#)).

Следовательно, христианство, поставляя своим последователям первую обязанностью любить Бога, требует от них самоотверженной любви к ближним и разумной, возвышенно-духовной любви к самим себе. Все эти виды любви в христианстве связаны самым тесным и неразрывным образом. «Пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает» ([1 Иоан. IV:16](#)). Поэтому только в христианстве и возможно полное и гармоническое развитие нравственного человека. Питая в своей душе и проявляя во всей своей нравственной деятельности любовь к Богу и ближним и сообразную с нею любовь к себе самому, христианин сохраняет и самостоятельность своего нравственного существа пред Богом (что невозможно в квиэтизме), и не остается в своей узкой личной сфере (что неизбежно при эгоизме), а всегда имеет готовность «до положения своей души» служит нравственно и материально всем ближним — таким же богоподобным существам, как и он сам, но не по альтруистическим соображениям, а по пламенному желанию исполнять волю Бога, давшаго такую заповедь.

Ясно, как слабы и тусклы, сухи и безжизненны пред таким светозарным и животворным христианским учением все умствования греховных и самообольщающихся человеческих умов!..

Примечания

Слово «альтруизм» можно понимать и в высоком смысле, в смысле христианской любви, если противопоставить его слову «эгоизм». Но слово это придумано не богословами и не для обозначения христианской любви. Оно создано для обозначения такого отношения к людям, когда человек заботится и о благосостоянии ближних, но потому, что без благосостояния общего невозможно и его собственное благополучие; значит — такого (в сущности, холодного и лишь несколько замаскированного эгоистического) отношения, которое, утверждаясь на личном расчете и соображении, может у каждого принимать какой угодно вид и выражение.

Недопустимы, напр., опасныя гимнастическия упражнениа, производимыа ради развлечения ли, в цирках, или ради укрепления здоровья, непосильныа занятия работой, недостаточное для здоровья питание, неумеренное употреблениа напитков, которое (являясь причиною большинства преступлений) есть постоянный очаг всевозможных болезней, самоубийств, вырождениа потомства и т. п.

См. рассказ о подвиге крестьянина деревни Евсеевки, Владимирской губернии, Василия Марина в соч. прот. И. Яньшева: «Сущность христианства с нравственной точки зрения», Спб., 1877, стр. 138—139.

В доказательство непопозволительности самообороны нередко указывают на запрещение защищаться, сделанное Спасителем Ап. Петру, извлекшему в Гефсиманском саду меч. Но при этом упускают из виду, что поступок Ап. Петра представлял собою возмущение против начальства.

Впрочем, древние отцы и учителя Церкви допускали некоторое исключение в суждениях о самоубийцах. Известно, что во времена гонений многия христианския женщины, во избежание осквернения, часто убивали себя. Св. [Иоанн Златоуст](#), блаж. Иероним и др. в этом случае величали самоубиство, как героический христианский поступок. Но [Лактанций](#), бл. Августин высказались против него. Они учили, что целомудрие обитает не в теле, а в душе; душа может быть чиста, если тело будет и осквернено... В таком смысле высказываются и новейшие моралисты.

Гражданств законы нашего отечества не признают никакого значения за духовными завещаниями самоубийц (Улож. о наказан, ст. 1472).

Будучи необходимым для снискания пропитания, для поддержания телесной жизни человека, труд является и большим благодеянием для греховной человеческой природы. Он служит врачевством против греха: противодействует дурным мыслям и желаниям, упражняет человека в борьбе, терпении и т. д., доставляет мир и довольство душе. Потому то св. Писание и отцы Церкви кнушают нас труд, как непрременную обязанность. Напр., Ап. Павел говорит: «молим вы, братие,... любезно прилежати еже безмолвствовати, и деяти своя, и делати своима руками, якоже повелехом вам» ([1 Сол. IV. 11](#)); «аще кто не хещет делати, ниже да яст» ([2 Сол. III:10](#)). Древне-христианские подвижники ставили труд на ряду с молитвою, как необходимую потребность желающего проводить благоугодную жизнь. Так как человек — существо духовно-телесное, то труд его может быть часть *телеснаго* или физического свойства, частью духовнаго, а частью смешаннаго. Благосостояние человечества основывается на соединении телеснаго труда с духовным... Постоянно работать человеческая природа не может; для нея нужны перерывы труда или отдых. Полный отдых дается сном («сон сладок работающему»; Еклл. V, 11; ср. [Лук. VIII:23](#)), а совершенный *покой* — созерцанием Божественной премудрости и благодати, столь дивно явленных в создании *всего* сущаго, при каковом созерцании человек отрешается своею мыслью от земных забот, и вполне отдается чисто духовному *наслаждению*.

Заслуживает внимание определение права, как *нравственной* способности лица что-либо иметь или делать, данное знаменитым юристом Гуго Гроцем, основателем новой философии права (*De jure belli et pacis*, 1. 1, §§ III, IV et IX). Известный философ Вольф всю свою теорию естественного права выводил из нравственного закона. „Согласие частной собственности с природою человека имеет за себя не одни выводы философии, но и мировой опыт, ибо собственность существует везде, где человек вышел из первобытного состояния», говорит проф. Чечерин; „социальные же утопии были вечно и остаются неосуществимыми, именно потому, что они насилуют человеческую природу и нравственную свободу».

Позволительно христианину оберегать и защищать свое имущество с помощью гражданского права. Но ему никогда нельзя забывать о требованиях любви, умеренности и великодушия к своим врагам. Нужно при этом обращать внимание и на то, насколько защита человеком своих имущественных прав может гармонировать с его положением в обществе. Напр., тяжущийся из за всякаго нарушения своих прав священнослужитель, долженствующий быть путеводителем мирян в царство вечной любви, и сам своим примером долженствующий являть им свою верность проповедываему им учению любви, производит неблагоприятное впечатление, чем мирянин. Священнослужитель, как учитель, как «образ» для мирянина, обязан в уроке последнему исполнять завет Спасителя: «хотящему судитися с тобою и ризу твою зъязти, отпусти ему и срачицу» (Мф. V, 40).

Скупец приобретает и сберегает имущество лишь бы *обладать* им, даже сам не наслаждаясь употреблением его. Расточитель же все свое богатство обращает на предметы своего *наслаждения* (эгоистического и евдемонистического). *Безмысленный расточитель* бросает свое имущество на право и на лево, как будто оно для него не имеет никакой ценности, или как будто оно для него бремя, которое нужно скорее сбросить с себя... Очевидно, у подобных людей нет надлежащего нравственного взгляда на значение имущества, как средства для достижения высших целей.